

Басыми

по камням...

Хэлен Аморе

Хэлен Аморе

Босыми по камням...

<https://litres.ru/74354072>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Господь опустил их на землю порознь. И пошли они искать друг друга, сбивая ноги в кровь».

Мадлен всегда знала, кого ищет — его голос, походку, взгляд. И когда она переступила порог офиса адвоката, сердце её замерло: это был он. Её Адам. Но жизнь — не легенда. Адам не всегда остаётся. Иногда он уходит, закрывая дверь, за которой ты оставила ключ.

Спасение приходит оттуда, откуда она не ждала. Мать Азиза, мудрая Лале-ханум, становится для неё не свекровью, а настоящей матерью. В её кофе с кардамоном, в её притчах Руми Мадлен обретает ту любовь, которую искала всю жизнь. Любовь, не требующую ничего взамен. Любовь, принимающую тебя такой, какая ты есть.

«Босыми по камням» — пронзительная история о поиске второй половины, о боли утрат и о великой силе материнского сердца. О том, что камни под босыми ногами превращаются в траву, когда находишь свою родную душу.

Для поклонников глубокой психологической прозы, восточной эстетики и философии Руми.

Содержание

Эпилог	4
Глава 1. Изгнание	9
Глава 2. Чужая дверь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Хэлен Аморе

Босыми по камням...

Эпилог

*«Ты ищешь любовь снаружи, а она
внутри тебя.*

*Ты ищешь Бога в небесах, а Он
ближе, чем твоя яремная вена.*

*Остановись,
перестань бежать. И ты увидишь:
то, что ты искал, всегда было с
тобой».*

Джалал ад-Дин Руми

Господь опустил их на землю порознь. И пошли они искать друг друга, сбивая ноги в кровь. А когда Ева увидела Адама, она села на камень и сделала вид, что просто отдыхает, хотя сердце её колотилось от счастья и боли.

Она сидела на подоконнике босиком, как делала это всегда в минуты затишья — чтобы ощущать прохладу стекла, чтобы помнить, что камни остались позади. За окном шумел майский дождь, но теперь он не казался предвестником беды. Он был просто дождем — теплым, стремительным, обещающим зелень и цветы. Город за окном больше не был размытым серым пятном: он искрился, дышал, жил. И она была

его неотъемлемой частью.

Рядом на подоконнике стояла чашка чая — тот самый, с чабрецом, которому научила заваривать Лале-ханум. Мадлен пригубила его и ощутила на языке горьковатое тепло, которое разливалось по телу, подобно благословию. В комнате, за легкой занавеской, тихо посапывал Максим — его дыхание было ровным, спокойным, лишенным той тревожной одышки, что терзала его годами. Операция прошла успешно, реабилитация подходила к концу, и он снова смеялся — звонко, по-мальчишески, так, что даже соседи улыбались в ответ.

А в соседней комнате, в кресле у старого дубового стола, который когда-то чинил Азиз, дремала Лале-ханум. Ее шелковый платок цвета утреннего неба сполз на плечо, длинные пальцы с безупречным маникюром сжимали книгу — ту самую, «Психею Отдела М», которую Мадлен когда-то подписала и оставила в машине Азиза. Лале-ханум перечитывала ее уже в третий раз, каждый раз находя новые строки, которые, по ее словам, «писали прямо о ней».

Мадлен смотрела на нее — на эту царственную, мудрую женщину, ставшую ей больше, чем матерью, — и чувствовала, как внутри разливается то самое спокойствие, которого она так долго искала. Оно не пришло с мужчиной. Оно не пришло с деньгами или успехом. Оно пришло с этим пониманием: дом — это не стены, а люди, которые принимают тебя без условий. И она обрела свой дом.

Она вспомнила ту ночь, когда сидела на полу в прихожей старой квартиры, смотрела на трещину на потолке и шептала: «Я найду тебя». Тогда она думала, что ищет Адама — того единственного, кто заполнит пустоту внутри. Она искала его в чертах каждого встречного, в голосе бывшего мужа, в братской нежности Берка. Она узнала его в Азизе, и сердце ее забилось — болезненно и сладко — когда она села на кожаный диван в его кабинете. Она поверила: вот он, тот самый, сбивающий ноги в кровь, чтобы найти ее.

Но жизнь оказалась мудрее ее ожиданий.

Азиз вошел в ее жизнь и вышел из нее, словно утренний туман. Он был нужен — чтобы привести ее к Лале-ханум. Чтобы показать, что любовь не всегда приходит в обличье возлюбленного. Чтобы научить ее, что можно держаться за руки, даже когда пути расходятся. Он ушел, но оставил след — не как утрату, а как поворот. Как тот самый камень, который отвергли строители, но который впоследствии стал краеугольным.

И теперь Мадлен знала: истинный Адам — это не тот, кто идет рядом в одной упряжке. Это тот, кто, встретив тебя на полпути, указывает дорогу к самой себе. Азиз сделал это, когда прочитал ее книгу и оставил карандашные пометки на полях — те самые, где стояло: «Я хочу идти рядом. Если вы мне позволите». Он сделал это, когда привел ее к своей матери. И даже когда ушел — он сделал это, потому что его молчание стало для нее последним уроком: искать опору не

в другом, а в себе.

Она нашла себя в Лале-ханум. Эта женщина — ее родная душа, ее второе «я», ее мать по сердцу — стала тем самым Домом, который она искала всю жизнь. Не мужчина, не брак, не работа — а эта удивительная, эффектная, мудрая женщина с шелковым платком и корзиной домашней еды, которая вошла в ее жизнь и сказала: «Ты — моя доченька».

Мадлен спрыгнула с подоконника, налила себе еще чаю и подошла к столу. На нем лежала та самая визитка — «Дэниз Азиз», уже пожелтевшая по краям. На обороте все еще видны были ее строчки: «Он заслуживает счастья. Я — нет», перечеркнутые ее же рукой, а рядом — его подпись: «Мы — да. Потому что мы оба заслуживаем. Д.». Она взяла визитку и повертела ее в пальцах. Теперь она не вызывала боли — лишь благодарность. Благодарность за встречу, за урок, за то, что он стал тем самым камнем, который укрепил ее фундамент.

Она подошла к окну и взглянула на двор. Там, под старой липой, стоял Берк — он приехал вчера из Стамбула, впервые за три года. Он махал ей рукой и улыбался, и она улыбнулась в ответ, чувствуя, как слезы радости застилают глаза. Берк был тем, кто называл ее «моя Мадлен» и всегда верил в нее. Он вернулся — не чтобы спасти, а чтобы увидеть, как она спасла себя сама.

«Ты справилась», — скажет он позже, обнимая ее. И это будет правдой.

Мадлен больше не искала. Она остановилась. Она перестала бежать. И в этой остановке она увидела то, что искала всегда: любовь, которая не требует доказательств, принятие, которое не нуждается в условиях, дом, который не строится из кирпичей, а вырастает из доверия и нежности. Она увидела это в глазах Лале-ханум, в смехе Максима, в дружеском пожатии Берка, в тишине, которая больше не была пустой.

Она поняла: камни под ее босыми ногами были не наказанием, а подготовкой. Они учили ее ходить, чтобы она научилась стоять. Они ранили, чтобы она научилась исцелять. Они были дорогой, которая привела ее домой — не в квартиру, не в страну, а в собственное сердце, где уже жила та самая любовь, которую она так долго искала снаружи.

Теперь она сидела на подоконнике, пила чай с чабрецом и смотрела, как майский дождь стихает, уступая место солнцу. За ее спиной спал сын, в соседней комнате читала книгу ее мама — Лале-ханум, а во дворе ждал ее брат — Берк. И в этом кругу любви, который она построила не из ожиданий, а из принятия, она чувствовала себя целой.

Ева больше не сидела на камне. Она встала — и пошла. Но теперь она знала: идти можно не только вперед, но и внутрь. И в этом движении — самом тихом и самом смелом — она наконец обрела то, что искала.

Глава 1. Изгнание

*«Рана — это место, откуда входит
Свет»*

Джалал ад-Дин Руми

Ноябрь обрушился на Москву промозглой тоской. Дождь, начавшись затемно, не унимался до полуночи, чтобы под утро с новой силой обрушиться мелкой, назойливой моросью, пропитывающей всё вокруг липкой сыростью, от которой не спасала даже собственная квартира. В тот день, когда Берк навсегда покинул Россию, Мадлен вернулась в пустую квартиру и замерла у порога. Её пальцы не в силах были повернуть ключ. В подъезде витал тягучий запах мокрых половиков и чужих ужинов — жареной картошки, лука, дешёвого кофе. Этот запах всегда казался ей уютным, пока она сама была частью чьей-то жизни. Теперь же он лишь безжалостно подчёркивал её собственное отсутствие.

Она всё-таки открыла дверь, шагнула в прихожую и села на пол, не сняв пальто. Квартира встретила её тишиной — оглушительной, как крик. Эта тишина соткана была из мириадом звуков, которых больше не существовало: детского смеха, звона посуды на кухне, голоса Берка, спрашивающего, не хочет ли она чаю. Все эти звуки унесли с собой те, кто их создавал. Остались лишь обнажённые стены, скрип половиц

под ногами и трещина на потолке — тонкая, но упорная, как рана, напоминающая о том, что было и никогда не вернётся.

Она прижалась спиной к холодной стене и закрыла глаза, чувствуя, как под веками пульсирует усталость — глубокая, костная, почти животная. От пальто пахло больницей — тем специфическим, чуть сладковатым запахом антисептика и тревоги, который въедается в шерсть, словно несмываемый отпечаток. Сегодня она снова возила Максима на обследование. Врач говорил что-то ободряющее, но глаза его оставались серьёзными, а Мадлен за эти годы научилась читать правду в глазах врачей быстрее, чем в их словах. Операция — неизбежность, от которой нельзя уйти, можно только отсрочить. И каждый день отсрочки был одновременно и подарком, и пыткой.

Берк улетел в Стамбул в десять часов вечера. Она проводила его до зоны таможенного контроля, стараясь не плакать, и он, уже шагнув за стеклянные двери, вдруг обернулся и сказал одними губами: «Ты справишься, моя Мадлен». Это было так похоже на него — называть её «моя Мадлен», хотя ей давно перевалило за тридцать пять и в волосах уже серебрилась ранняя седина. Для Берка она всегда оставалась сестрой — не по крови, но по духу, — младшей сестрой, которую нужно оберегать от мира, полного жестокости. И он оберегал её так долго, что она почти поверила, будто кто-то может нести её на руках над острыми камнями реальности. Теперь его не стало. И никто больше не назовёт её «моя».

Она открыла глаза и заставила себя встать. Пол был ледяным, и она вдруг поняла, что всё ещё в сапогах. Она стянула их, не развязывая шнурков, и босиком прошла в кухню. Кафельный пол обжёг ступни — не просто холодом, а чем-то более глубоким, почти мистическим. Это было прикосновение самой реальности, грубой и неумолимой. «Первое прикосновение к камням», — подумала она, и мысль эта показалась странно точной. Она и правда чувствовала под ногами не гладкую плитку, а острый щебень, по которому шла уже много лет, просто раньше не замечала боли. Внутри всё звенело от пульсирующей боли: подошвы горели так, словно она действительно целый день шла босиком по битому стеклу, хотя сегодня почти не ходила — только от машины к больнице, от больницы к аэропорту.

«Я осталась одна», — подумала она, и мысль эта была тяжёлой, как свинец. «Дом рухнул. Кто теперь назовёт меня малышкой? Кто скажет, что всё будет хорошо?» Она налила воды из-под крана, выпила залпом и посмотрела в окно. Там, во дворе-колодце, горели жёлтые квадраты чужих окон. В каждом из них была своя жизнь: кто-то ужинал, кто-то смотрел телевизор, кто-то, возможно, тоже сидел у окна и думал о чём-то несбыточном. Мадлен смотрела на эти огни и чувствовала себя изгоем, которому отныне вход в любой Эдем заказан. Она больше не принадлежала ни к одному из этих миров — ни к миру семьи, ни к миру друзей, ни даже к миру надежды. Она была одна, и эта пустота внутри неё росла с

каждым днём, как та самая трещина на потолке.

Из дальней комнаты донёсся звук телевизора. Бывший муж включил его ровно в тот момент, когда она вошла — словно для того, чтобы обозначить границы их совместно-госуществования. Они жили как соседи по коммунальной квартире уже шесть лет: разные спальни, отдельный бюджет, вежливые дежурные фразы на кухне. Когда-то, в другой, почти забытой жизни, она думала, что любит его. Тогда ей казалось, что именно так выглядит та самая половинка: он был надёжным, предсказуемым, не делал больно. Но теперь, просыпаясь ночами от шума дождя, Мадлен вслушивалась в его дыхание за стеной и понимала: это дыхание чужого человека. Их брак превратился в общую жилплощадь, скреплённую штампами и ипотекой, а от прежнего дома осталась только трещина на потолке — тонкая, змеящаяся от люстры к углу, которая появилась в тот день, когда врачи впервые сказали слово «опухоль».

Мадлен прошла в комнату, запрокинула голову и уставилась на эту трещину. Она появилась в тот самый день, когда врачи произнесли роковой диагноз. Сначала Мадлен не придавала ей значения — подумала, что это просто старая штукатурка, оседание дома. Но потом заметила, что трещина растёт вместе с её страхом, что каждый новый анализ, каждая отсрочка операции делают её чуть длиннее, чуть шире. Теперь она казалась символом всего, что пошло не так: брака, превратившегося в формальность, здоровья сына, тающего

на глазах, надежды, которую она сама запретила себе чувствовать.

«Зачем ломать клетку, если у тебя нет крыльев, чтобы улететь?» — спросила она у своего отражения в тёмном стекле. Отражение молчало. Только дождь упрямо барабанил по подоконнику, словно пытался достучаться до чего-то внутри неё, но она была глуха к этому стуку. Она опустилась на табурет, сжала виски ладонями и почувствовала, как в голове пульсирует тысяча иголок. Ком в горле стоял такой плотный, что она не могла сглотнуть. Берк уехал, и теперь некому сказать ей, что всё будет хорошо. Не к кому прийти среди ночи, чтобы выплакаться в плечо. Некому назвать её «моя Мадлен» и велеть взять себя в руки.

В кармане пальто завибрировал телефон. Она вздрогнула и выхватила его — сердце на мгновение зашлось надеждой: «Может, он? Может, передумал, вернулся?» Но на экране высветилось имя Зафар-шефа. Коллега из турецкой строительной компании спрашивал про рабочую мелочь: документы, визы. Мадлен ответила сухо и коротко, а потом отложила телефон и горько усмехнулась. Господи, какая же она дура. Берк не вернётся. Его здоровье не выдержало российского климата, его уволили, вышвырнули из страны, как отработанный материал. Он сам говорил ей, что уезжает навсегда, и она кивала, делала вид, что понимает, а на самом деле надеялась на чудо. Чуда не произошло. И она осталась одна — наедине с больным сыном, бывшим мужем и пустотой,

которая разрасталась внутри неё, как та трещина на потолке. Она заставила себя встать и подойти к зеркалу в коридоре. В тусклом свете единственной лампочки она увидела незнакомку: уставшие серо-зелёные глаза, бледную кожу, тёмные круги — лицо женщины, которая давно забыла, чего хочет на самом деле. Но где-то глубоко, за этой усталой маской, ещё теплилось странное знание. Она всегда знала, кого ищет. Знала его внешность, тембр голоса, манеру поправлять волосы, походку — ту самую, с лёгкой осторожностью шага, будто он тоже когда-то шёл босиком по битому стеклу. Она искала этот образ во всех встречаемых мужчинах — в бывшем муже, в случайных попутчиках, даже в Берке, но там было другое: братское, душевное. А здесь должно было быть иначе.

«Только где же ты, мой Адам? — прошептала она, глядя в отражение. — Где бродишь сейчас, сбивая ноги в кровь?»

Она тряхнула головой, прогоняя мысли. Сейчас не время для романтических бредней. Сыну назначили повторное обследование, и каждая минута, потраченная на пустые мечты, казалась ей предательством. Она должна быть сильной. Должна собрать себя по кускам и идти дальше, даже если подошвы стёрты до мяса. Это стало её мантрой — повторять себе, что она выдержит, что справится, что все эти камни — лишь временное препятствие на пути к чему-то большему. Но она не знала, к чему именно.

В ванной она включила воду и долго стояла под горячими

струями, пытаюсь смыть с себя запах больницы, усталость, страх. Она представляла, как вместе с паром уходит боль, но боль не уходила — она въелась в неё так же глубоко, как тот запах в пальто. Тогда Мадлен выключила воду, надела старый махровый халат, собрала мокрые волосы в пучок и вышла на кухню. За стеной по-прежнему бубнил телевизор — бывший муж смотрел какой-то бесконечный сериал, и этот монотонный звук стал уже частью ночного пейзажа, как дождь за окном.

Она заварила крепкий чай, села за кухонный стол и открыла ноутбук. В ящике висело несколько писем: напоминание о сроках отчёта, запрос от нового сотрудника, рекламная рассылка миграционных услуг. Что-то заставило её задержать взгляд на этой рассылке — обычном спаме, подписанном некоей Анной, менеджером небольшой юридической компании. Мадлен уже хотела удалить письмо, но в последний момент передумала и перечитала строчку о том, что компания помогает с оформлением ВНЖ для высококвалифицированных иностранцев. Она вспомнила утреннюю просьбу Зафара — ему как раз нужна была консультация по этому вопросу.

«Позвоню завтра», — решила она и сделала пометку в ежедневнике.

Откуда ей было знать, что именно это письмо, этот случайный клик, эта мелкая рабочая деталь станет первым камнем в новой мостовой, которая выведет её из пустыни? Что именно в той компании она увидит человека, которого иска-

ла всю жизнь, и в тот момент сядет на холодный гранит собственной гордости, делая вид, что никого не ждала. Что визитка с именем «Дениз Азиз» станет её талисманом, а женщина по имени Лале-ханум однажды назовёт её доченькой. Но это будет потом.

А пока Мадлен допила остывший чай, проверила, спит ли сын, и легла в холодную постель. Ноги горели так, будто она действительно целый день шла босиком по камням. Она закрыла глаза, вслушиваясь в настойчивый шепот дождя за окном, и прошептала в темноту:

— Я найду тебя. Когда-нибудь. Просто знай, что я иду.

За стеной стих телевизор. Ночь укутала дом непроглядной тишиной, и лишь дождь неустанно отстукивал по жестяному подоконнику, отсчитывая секунды до новой встречи, о которой Мадлен ещё не смела мечтать. Но где-то в глубине души, в той самой ране, куда обещал войти свет, уже разгоралась крошечная искра — та, что превратится в пожар, когда она встретит его. И тогда камни под её босыми ногами начнут таять, уступая место живой траве. Но это будет потом. А пока — лишь ночь, дождь и шёпот во тьме.

Глава 2. Чужая дверь

*«Ты стучишь в дверь, а она уже открыта. Ты
плачешь о том, что потерял, а
оно стоит рядом и ждёт, когда ты обернёшься».
Джалал ад-Дин Руми*

Утро пришло не со светом, а с болью. Она пульсировала в затылке глухим, настойчивым ритмом, будто кто-то невидимый выстукивал там азбуку Морзе, которую Мадлен никак не могла расшифровать. Несколько минут она лежала неподвижно, глядя в белый потолок с тонкой трещиной, вглядываясь в её извилистый след. За месяцы, проведённые в этой квартире, она научилась не замечать её, как не замечают уличный шум или тиканье часов. Но сегодня трещина казалась острее, словно за ночь она чуть расширилась, готовясь окончательно разорвать штукатурку. «Как моя жизнь», — подумала Мадлен и тут же одёрнула себя: не время для пафоса. Восемь утра. Сын спит. Нужно вставать.

Будильник ещё не звенел. В комнате было холодно — батареи грели едва-едва, а за окном по-прежнему моросил нудный ноябрьский дождь. Серый свет сочился сквозь неплотно задёрнутые занавески, размывая очертания мебели, превращая комнату в акварельный набросок. Она села, спустила босые ноги на пол и поморщилась. Подошвы горели — то же странное ощущение, что и вчера вечером, когда она шла бо-

сиком по ледяному кафелю. Тогда она списала это на усталость и нервное напряжение. Но сегодня боль не утихла — она стала глубже, осязаемее, будто кто-то невидимый продолжал вести её по осколкам даже во сне. «Психосоматика», — равнодушно подумала она и натянула шерстяные носки — грубые, с плотной вязкой, которые всегда грели её в холодные московские зимы. Но тепло не пробивалось к ступням; камни, казалось, спрятались под шерстью и продолжали своё дело.

В квартире царила та особенная тишина, которая бывает только после чьего-то ухода. Бывший муж — она старалась не называть его по имени, даже мысленно — исчез до её пробуждения, как всегда. Его смена начиналась в семь, и он выскальзывал бесшумно, оставляя после себя лишь лёгкий запах одеколона да забытую в раковине чашку. Мадлен давно перестала обращать на это внимание. Они жили как два пассажира в одном купе: вежливые, отстранённые, избегающие случайных прикосновений. Иногда ей казалось, что между ними выросла невидимая стена из их общего молчания — такая же прочная, как та трещина на потолке. Пожалуй, единственная благодарность, которую она к нему ещё испытывала, была за то, что он никогда не нарушал её утренний сон. Все остальные чувства — любовь, уважение, желание делить постель и душу — истлели так давно, что она даже не помнила, какими они были на вкус.

Она прошла на кухню, стараясь ступать бесшумно, чтобы

не разбудить Максима. Ей хотелось заглянуть к нему, проверить, как он спит, но она знала: стоит ей открыть дверь, мальчик проснётся, и тогда утро потеряет последние минуты её личного времени. А ей нужно было собраться, настроиться на день, который обещал быть долгим. Она заварила крепкий кофе, плеснула холодного молока и подошла к окну.

За окном было то же ноябрьское утро, что и вчера: серое, мокрое, без намёка на просвет. Дождь не прекращался, но и не усиливался — он просто висел в воздухе мелкой водяной пылью, оседая на стёклах и превращая город в размытую акварель. Девятиэтажки напротив казались нарисованными неуверенной рукой: их контуры расплывались, окна горели тусклым жёлтым светом, и лишь редкие прохожие с чёрными зонтами вносили в этот пейзаж хоть какое-то движение. Мадлен смотрела на них и чувствовала себя такой же расплывчатой, как этот город, — потерявшей чёткие границы между собой и миром.

Запах офисной бумаги всё ещё держался на пальцах после вчерашней сверки отчётов. Она поднесла ладонь к лицу, вдохнула — сухой, чуть кисловатый аромат, запах работы, единственного места, где она ещё чувствовала себя нужной. Не как женщина, не как мать, не как жена, а как профессионал. «Надо позвонить по поводу подработки», — напомнила она себе и достала телефон.

Из спальни донёсся лёгкий шорох — Максим проснулся. Мадлен отставила чашку и бесшумно вошла в его комнату.

Мальчик лежал на спине, глядя в потолок, и улыбался чему-то своему — той утренней, безмятежной улыбкой, которая появляется у детей, когда они ещё не вспомнили, что день принёс свои заботы. Увидев мать, он приподнялся на локтях и спросил хрипловатым со сна голосом:

— Мам, а дядя Берк уже улетел?

Мадлен присела на край его кровати, поправила одеяло и кивнула. Она не хотела врать, но и не могла сказать всей правды о том, как ей было больно прощаться.

— Да, сынок. Он теперь будет жить в Стамбуле. Но он обещал писать нам письма.

— А он приедет когда-нибудь?

— Может быть, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Всё возможно.

Максим задумался на секунду, потом перевёл взгляд на окно, где дождь рисовал на стекле свои бесконечные узоры, и сказал с той детской серьёзностью, которая всегда трогала Мадлен до глубины души:

— Тогда я буду ждать. Он хороший. Он всегда говорил, что я смелый.

Мадлен притянула сына к себе, обняла его и почувствовала, как внутри что-то сжимается от смеси любви, боли и страха. Её мальчик — такой же, как она, — уже учится ждать, уже учится надеяться, даже когда вокруг серая стена дождя. Она вспомнила, как Берк, уходя, сказал одними губами: «Ты справишься». И теперь она должна была доказать,

что он был прав.

Она помогла Максиму умыться, накормила его овсянкой, и когда он снова улёгся на диван с книжкой, вернулась на кухню. День предстоял долгий: сначала работа в офисе, потом снова в больницу за результатами анализов. А ещё нужно было позвонить по поводу той подработки, которую она вчера заметила в почтовой рассылке. Объявление о вакансии специалиста по кадрам на полставки от компании «Миграционный консалтинг» висело в сохранённых уже несколько дней, и Мадлен никак не решалась позвонить, хотя деньги были нужны катастрофически. Операция Максима, реабилитация, аренда квартиры — бывший муж помогал, но его зарплаты хватало только на базовые вещи. К тому же, работа в сфере миграции всегда была ей интересна: в своей компании она часто консультировала турецких коллег по визовым вопросам, и это приносило ей странное, почти забытое удовольствие. Будто она могла что-то исправить. Будто она была кому-то нужна.

Она открыла ноутбук, нашла письмо и набрала номер. Гудки звучали долго, и Мадлен уже хотела сбросить, когда в трубке раздался молодой, звонкий женский голос:

— Миграционный консалтинг, Анна слушает! Доброе утро!

— Доброе утро, — ответила Мадлен, стараясь придать голосу профессиональную уверенность. — Меня зовут Мадлен. Я звоню по поводу вакансии HR-специалиста. Ещё ак-

туально?

В трубке повисла короткая пауза — та самая, что обычно предвещает отказ. Где-то на заднем плане шуршала бумага, стучали клавиши. Мадлен уже приготовилась услышать вежливый отказ, но Анна вдруг заговорила быстро, почти виновато:

— Ой, вы знаете, буквально вчера мы закрыли эту позицию... Я как раз собиралась снимать объявление, простите, пожалуйста! Это такая неловкая ситуация — вы звоните, а вакансии уже нет...

«Закрытая дверь», — подумала Мадлен с привычной горечью. «Сколько их уже было. Привыкай».

— Ничего страшного, — сказала она, и сама удивилась, как легко ей дались эти слова. — Значит, не судьба. Спасибо за честность.

Она уже хотела нажать «отбой», но что-то удержало её — почти физическое ощущение, что нельзя сейчас класть трубку, что этот звонок не случайность. И она, сама не зная за чем, спросила:

— Анна, можно задать вам вопрос не по вакансии? Просто консультация.

— Конечно! — отозвалась та с готовностью, и в её голосе послышалось облегчение — словно она рада была хоть чем-то помочь.

— У моего коллеги, он гражданин Турции, высококвалифицированный инженер-строитель, нужно оформить вид на

жительство. Вы не подскажете, к кому можно обратиться за профессиональной консультацией?

Анна вдруг рассмеялась — тепло и искренне, так, что Мадлен невольно улыбнулась в ответ.

— Ой, да вы не представляете, как вовремя спросили! У нас как раз сейчас принимает специалист, Дэниз Азиз. Он такие кейсы щёлкает как орехи. Честное слово, вам повезло! Давайте я продиктую вам его номер.

«Дэниз Азиз». Имя упало в тишину кухни, как камень в воду, расходясь кругами. Мадлен схватила со стола ручку — простую шариковую, с обгрызенным колпачком — и начала записывать на полях ежедневника. Буквы выходили кривыми, торопливыми, и когда она выводила последнюю цифру, рука дрогнула — сама по себе, безо всякой причины. Что-то ёкнуло в груди, словно сердце на мгновение остановилось, а потом забилось быстрее, сбивая ритм.

«Почему так? — мелькнула мысль. — Обычный рабочий контакт. Просто имя». Но сердце уже знало то, чего разум ещё не осознавал. Оно чувствовало ту невидимую связь, которую Мадлен пыталась отрицать всю жизнь: что случайностей не бывает, что каждая дверь закрывается, чтобы открылась другая, и что этот незнакомый человек с восточным именем станет той дверью, в которую она постучит и которая окажется распахнутой настежь.

— Спасибо, Анна, — сказала она, стараясь, чтобы голос не выдал волнения. — Вы мне очень помогли.

— Да не за что! — откликнулась та. — Азиз вам поможет, вот увидите. Хорошего дня!

В трубке зазвучали короткие гудки. Мадлен медленно опустила телефон на стол и посмотрела на записанный номер. Буквы «Дэниз Азиз» прыгали перед глазами, а по телу разливалось странное, давно забытое тепло — смесь надежды и тревоги, предчувствие, которому она пока не могла найти названия.

«Азиз вам поможет», — повторила она про себя слова Анны. «Первый знак. Первая дверь, которая открылась, когда закрылась другая». Она покачала головой. Что за глупости. Обычный рабочий контакт, ничего больше. Мало ли в Москве адвокатов по миграции с такими именами? И всё же она снова перечитала запись, провела пальцем по чернилам и почувствовала, как внутри неё что-то меняется — медленно, неумолимо, как разворачивается лист бумаги, чтобы открыть письмо, написанное много лет назад.

Весь день её мысли были где-то далеко. В офисе, перебирая бумаги и отвечая на письма, она вновь и вновь возвращалась к этому имени. «Дэниз Азиз», — шептала она про себя, пробуя его на вкус, как незнакомое, но манящее блюдо. Оно звучало пряно и ласково одновременно, словно экзотическая специя, таящая в себе тайну. Вчера, глядя на трещину в потолке, она прошептала: «Я найду тебя». Тогда это было обращение к её неведомому Адаму. Теперь же, записав это имя, она чувствовала, что нащупала нить, способную выве-

сти её из лабиринта.

Вернувшись домой, она обнаружила спящего Максима. Бывший муж был на работе, и в квартире вновь повисла привычная тишина — её верная спутница. Мадлен скинула пальто, села за кухонный стол и снова раскрыла ежедневник на странице с загадочным именем. Она долго вглядывалась в чернила, словно пытаясь прочесть между строк нечто скрытое, невидимое глазу. Она набрала номер, но в последний момент остановилась: было слишком поздно. Решила, что утро принесёт ясность, а с ним и холодную голову. Но тревожное предчувствие не отпускало её до самой ночи. Лежа в постели, она смотрела в потолок и чувствовала, как где-то в глубине души, в той самой ране, куда Руми обещал свет, зарождается крошечная искра. Искра, что, возможно, разгорится пожаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.